

Было очень холодно.

Тао Хуайнань лежал на боку, свернувшись на заднем сиденье машины, накрытый пальто своего старшего брата. Снаружи было шумно, он слышал, как брат разговаривает с кем-то.

Фургончик был старый, окна и двери неплотно закрывались, отовсюду дуло. Тао Хуайнань потянул пальто на себя, скрыв половину лица. От одежды брата пахло сигаретами и бумажным пеплом.

Последние два дня они сжигали очень много бумаги, и от брата постоянно исходил этот едкий запах. У самого Тао Хуайнаня он тоже был.

Дверь машины открылась. Тао Хуайнань широко раскрыл глаза, хотя ничего не видел.

Он открывал глаза, чтобы показать, что уже проснулся.

Он был слепым.

— Проснулся? — раздался голос брата.

Тао Хуайнаню стало спокойнее. Он приподнялся, сел и, вытянув руку, протянул одежду вперёд.

Брат сказал:

— Накройся.

Тао Хуайнань всё ещё держал руку вытянутой:

— Одевайся, брат.

На Тао Сяодуне был только свитер, от него веяло холодом. Он не сел рядом, а взял одежду, накинул её на себя и спросил:

— Не голоден?

Тао Хуайнань ответил:

— Не голоден.

Когда холод от брата немного утих, он сел рядом и погладил Тао Хуайнаня по голове. Тао Хуайнань услышал, как брат сказал:

— Проснулся, так выходи, позже ещё раз поклонимся родителям.

Тао Хуайнань кивнул и сказал:

— Хорошо.

Последние два дня Тао Хуайнань, держась за руку брата, кланялся бесчисленное количество раз. Он ничего не видел, но знал, что вокруг всегда было много людей, которые всё время вздыхали.

У Тао Хуайнаня был острый слух. Он слышал, как люди неподалёку говорили, что ему не повезло, что братьям в будущем будет тяжело, что слепой мальчик будет обузой для старшего

брата всю жизнь. Тао Хуайнань сжимал руку брата, ладонь которого всегда была тёплой.

Они вернулись сюда два дня назад, чтобы похоронить прах родителей. Полгода назад у Тао Хуайнаня не стало мамы и папы, теперь у него был только брат.

Брат был намного старше его и очень его любил.

В родном доме было много традиций, и похоронные обряды были долгими и сложными. Им предстояло прожить здесь неделю. Тао Хуайнань никогда раньше не бывал здесь, он не родился здесь и не жил. Это место было для него слишком чужим, и он не знал здешних людей.

Здесь было очень холодно. На Тао Хуайнане была вязаная шапка, которая застёгивалась на пуговицу, закрывая голову и лицо, оставляя только глаза. Но даже так он мёрз, и у него болела переносица — маленькая косточка между глазами кололась от ветра.

Стоял лютой зимний месяц, и люди на улице говорили как-то одеревенело, словно их губы и язык не могли двигаться свободно.

Голос Тао Хуайнаня звучал глухо, и он время от времени покашливал. В первый же день он простудился, несколько раз принимал лекарства, но всё равно не поправлялся. У Тао Сяодуна было много дел, и он не всегда мог позаботиться о брате.

Именно в это время Тао Хуайнань встретил того мальчика — перед палаткой с прахом родителей, в морозную зиму.

Он стоял снаружи, держа в руках кружку с молоком. Пуговица на шапке была расстёгнута, и кусок ткани свисал у подбородка. Пар от горячего молока обдавал его лицо.

Сзади, в палатке, всё ещё было шумно. Горячая кружка молока наконец согрела Тао Хуайнаня, ладони стали тёплыми, и ему даже не хотелось пить.

Когда кружку внезапно вырвали у него из рук, Тао Хуайнань вздрогнул и отпрянул назад. Он ничего не видел, и в таком незнакомом месте любое внезапное происшествие пугало его.

Немного молока пролилось на шапку и грудь. Тао Хуайнань коротко и испуганно крикнул:

— Брат!

Это был голый мальчик, чуть ниже Тао Хуайнаня, худой, словно состоящий из одних костей, с выступающими рёбрами и синяками по всему телу. На лице у него был нездоровый румянец.

Он держал кружку Тао Хуайнаня в руках и жадно пил молоко. Его руки были в ссадинах, трещинах и грязи.

Дядя из родного дома крикнул, и от этого неожиданного крика Тао Хуайнань снова вздрогнул.

Тао Сяодун подошёл и обнял его, и Тао Хуайнань тут же прижался к нему.

Дядя сказал, что это мальчик из семьи Чи, который всегда ходит голым. Его отец спился и, напившись, бьёт его.

— Чи? — спросил Тао Сяодун. — Чи Чжидэ?

— Да, помнишь его?

Тао Сяодун был ненамного старше этого пьяницы, в детстве они дрались, и он даже разбил окно в доме Чи. В семье Чи все поколения были пьяницами, и, напившись, они били жён и детей. Чи Чжидэ в детстве оглох на одно ухо из-за побоев отца. Тао Сяодун всегда избегал их семьи, обходил стороной.

— Его сын уже такой большой? — Тао Сяодун посмотрел на мальчика, который был голым с головы до ног, без единого лоскута ткани. Раны и шрамы на его теле явно были от побоев. Тао Сяодун не мог смотреть на это, поставил Тао Хуайнаня на землю и снял с себя пальто, чтобы укутать ребёнка.

Мальчик дрожал всем телом, трясся с неконтролируемой силой, зубы стучали.

Пальто, сохранившее тепло, накрыло его. Мальчик всё ещё держал кружку Тао Хуайнаня, в которой осталось немного тепла, и поднял глаза на Тао Сяодуна.

Тао Сяодун тоже посмотрел на него. Мальчик был похож на отца, некрасивый и неприятный. Хотя Тао Сяодун не хотел вмешиваться в чужие дела, но в такой холод бегать голым и босым на улице было опасно — можно было замёрзнуть насмерть.

Тао Сяодун взглянул на посиневший и съёжившийся от холода член мальчика. После нескольких часов на морозе он мог отвалиться или стать бесполезным. Он хотел предложить мальчику зайти в дом погреться, но прежде чем он успел открыть рот, ребёнок развернулся и убежал.

Пальто и кружка остались на земле, испачканные грязным снегом и грязью. Дядя из родного дома ругался, поднимая вещи:

— Не хочу связываться с их семейными делами, его отец — сумасшедший, в припадке бьёт всех подряд.

Тао Сяодун спросил:

— А мать?

— Он её прогнал, кто сможет жить с сумасшедшим? Ушла давно!

Тао Сяодун снова надел пальто, не обращая внимания на грязь, присел и обнял Тао Хуайнаня. Руки Тао Хуайнаня всё ещё были тёплыми от молока, и он прижал горячие ладони к шее брата.

Тао Сяодун спросил:

— Испугался?

Тао Хуайнань кивнул и тихо сказал:

— Да, испугался.

Тао Сяодун провёл рукой по его голове через шапку и успокоил:

— Поглажу, чтобы не боялся.

В то время Тао Хуайнань был под защитой брата, как кукла. Слепой мальчик был слишком

хрупким, и Тао Сяодун всегда держал его рядом, оберегая.

Мальчики в таком возрасте обычно бегают по улицам, шумят и доводят родителей до белого каления, так что те готовы их отшлепать. Сам Тао Сяодун был таким.

Но не все были такими. Вот здесь был слепой мальчик, оставшийся без родителей и не способный выжить самостоятельно, а там — грязный щенок, у которого были родители, но лучше бы их не было.

В конце концов, у каждого своя судьба. У счастливых свои радости, а у несчастных — свои беды.

Тао Хуайнань выпил большую кружку молока, которое брат снова подогрел. Ребёнка растили с заботой, каждый день он пил молоко, и от этого его кожа была молочно-белой, а от него самого исходил сладковатый запах молока.

После молока он долго спал днём, лежа на кровати, укрытый своим одеяльцем. Во сне и наяву он слышал похоронные песни из палатки, и крик даосиста иногда заставлял его вздрагивать даже во сне.

Из-за этого долгого сна вечером он не мог заснуть.

Даже если он не видел, разница между днём и ночью для него всё же существовала. Слабое мерцание света позволяло слепому различать время суток.

Тао Сяодун ночью не спал, закутавшись в тяжёлое жёлто-зелёное армейское пальто дяди из родного дома, с поднятым воротником, защищающим уши и лицо. Он сидел на корточках у жаровни, поддерживая огонь и время от времени подбрасывая туда бумажные деньги для родителей.

Он заглянул к Тао Хуайнаню один раз, и тот, услышав, как брат вошёл, протянул руку, чтобы дотронуться до него, и тихо сказал:

— Брат, я пойду с тобой.

Брат коснулся его руки тыльной стороной ладони и успокоил:

— На улице слишком холодно.

— Я оденусь.

— Даже если оденешься, всё равно будет холодно. Спи в доме.

Тао Сяодун посидел с ним несколько минут, а затем снова вышел.

Тао Хуайнань долго не мог заснуть, он слишком много спал днём. Окна в деревенском доме были неплотными, и ночью дул ветер. Лежанка под ним была горячей, а лицо и руки, не укрытые одеялом, были холодными, нос был ледяным.

Тао Хуайнань время от времени поднимал руку, чтобы согреть нос, в ладонях чувствовался запах дров от лежанки.

Когда в ушах раздался плач старушки, Тао Хуайнань укрылся одеялом.

<http://bllate.org/book/16228/1457963>